

БОРИС БУЛЫГИН

**ЭТАПЫ
БОЛЬШОГО
ПУТИ**

Этапы Большого Пути

Булыгин Б.П. Этапы большого пути. — Барнаул: ООО “Акция-Информ-Плюс”, 2006 г. — 48 с.

“... Нам дороги эти позабыть нельзя”. Это из любимой песни Булыгина Б.П. Для ветерана Великой Отечественной войны она звучит как клятва. Для рождённых после войны — предупреждением.

Валентина Зорина

Отпечатано в ООО “Акция-Информ-Плюс”

Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 3. Тираж 100 экз.

Подписано в печать 07.03.2006 г.

г. Барнаул, ул. Титова, 1.

Дорогие Оля и Толья!
Поздравляю Вас и будущи
южанаго Большого
семейного счастья,
с НОВОИ и сибирского здоровья!
17.03.2006 Гурьев!

Борис Булыгин

ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ

Барнаул 2006

Что побудило меня написать эту краткую трагическую повесть?

Мне доводилось бывать в праздник Победы у Мемориала памяти, «Земли Городов-героев», в частности, Ленинграда и Севастополя. Особенно важны были встречи с родственниками защитников Севастополя. Не все они знают о героизме и трагической гибели многих защитников после падения Севастополя.

Отважная пулемётчица 25 Чапаевской дивизии Нина Онилова (которую ещё и звали Анка-пулемётчица по фильму о Чапаеве) так сказала о Севастополе: «Севастополь — это характер русского советского человека, это стиль его души. И говорить о нём не хватает ни слов, ни воздуха для дыхания». Но я, защитник Севастополя, набрался духу и пишу о его героизме при защите города-героя, о трагичном окончании защиты, о людях-героях, которые до последней возможности защищали любимый город и которым пришлось испить горькую чашу судьбы после его падения. Но Севастополь не сдался, он пал, как боец, истёкший кровью.

Начало войны.

Пока нас везли до Омска, было заключено перемирие с Финляндией. Война закончилась с большими для нас потерями. Особенно много было обмороженных, свирепствовали и финские снайперы-смертники, «кукушки».

Нас направили в 22-й запасной полк в Омске. Когда полк стали расформировывать, нам предложили поступить в военные училища. Мы, три друга, решили пойти в Иркутское лётно-истребительное училище. Захаров и Чижиков прошли, а я по зрению не прошёл. Тогда я поступил в Ленинградское

военно-медицинское училище имени Щорса. Я довольно быстро освоился с анатомкой, учился на пятёрки и даже в больнице имени Урицкого меня допускали ассистировать при операциях. Мне больше и нравилась хирургия. Я мечтал продолжить обучение в медицинской Академии. Но грянула война. Для нас она была неожиданной. Правда, что-то больно много было в воздухе самолётов, но это было воспринято как начало военных учений, о которых был разговор. Обычны подъём, завтрак... И вдруг сигнал боевой тревоги, построение, но о войне ни слова.

Несколько насторожило, когда нам стали выдавать боевые патроны, гранаты. Пришёл в движение весь военный лагерь, где было несколько военных училищ, свёртывались палатки, грузились машины. Отряды пешим порядком покидали лагерь. Шли долго, не сразу поняли, что идём уже в Ленинградской белой ночи. Только на разъезде, на митинге сообщили, что началась война. Нас погрузили в вагоны, и мы прибыли на водопад Суянто-Ярви. Это был своеобразный водопад, где вода не падала, а бешено неслась в проход между двумя системами озёр. Через этот узкий проход были два моста: железнодорожный и автомобильный. Это была неприступная линия Маннергейма, оснащённая мощными дотами, покрытыми так, что снаряды и авиабомбы не могли их разрушить. Они отошли к нам после перемирия с финнами. Говорили, что при форсировании погибли наши танки-амфибии. Нам предстояло здесь оборудовать линию обороны. Подручными средствами трудно было рыть окопы и дзоты, так как берег был скалистый. Вскоре нашу группу, а ныне взвод, назначили истребителями. Я был назначен первым номером ручного пулемёта «Дегтярёв», вторым номером был Беляев, тоже с Алтая. Придали нам автомашины, спаренные зенитные пулемёты для борьбы с диверсантами и авиадесантами. Успешно ликвидировали один авиадесант. На одной лесной поляне был высажен с транспортного самолёта немецкий десант. В ожидании повторного десанта нам было приказано незаметно блокировать эту поляну и, если будет опять авиадесант, уничтожить его. Дело осложнялось тем, что кто-то будет

встречать самолёт условными ракетами или кострами. Поэтому надо было так сделать засады, чтобы не обнаружить себя. Удалось беззвучно залечь, хотя тучи комаров беспощадно ели, всё обошлось хорошо. На сигнал из трёх ярких фонарей приземлился транспортный самолёт. Как только началась высадка, был открыт огонь из всех видов оружия. Был подбит и самолёт, который загорелся. Задача на встречу и уничтожение была выполнена.

Когда наш отряд был под станцией Луга, нам пришлось встречать бронепоезд, на котором прибыл командующий Северо-западным фронтом К.Е. Ворошилов. На бронепоезд налетели три немецких самолёта, по которым был открыт зенитный огонь бронепоезда. Один самолёт заходил с нашей стороны, и тут отличился наш зенитчик курсант Щербинин, которому удалось подбить самолёт. Он, уже загоревшись на вираже, отклонился в падении на нашу сторону. А курсант-пулемётчик сиганул с машины в рядом находившуюся яму, заполненную водой. Самолёт немецкий вскоре рухнул, и наш герой, весь мокрый, выбрался из ямы. Мы радостно со смехом поздравляли его. А от поезда вскоре прибыли трое во главе с капитаном, который, узнав, кто подбил самолёт, вручил ему орден «Красной Звезды».

Вскоре нас отозвали в училище, присвоили нам воинское звание лейтенанта медицинской службы. Мы были направлены на Кавказ, где формировалась и наша 388 стрелковая дивизия.

У меня сохранились фотографии, которые я посылал домой. На одной командир и комиссар дивизии, а на другой — 7 товарищей шести национальностей.

Прибыли мы в Тбилиси, а потом — в Кутаиси, где формировался наш 375-й медсанбат. Я получил назначение командиром эвакуовзвода. Нам было дано 4 полуторки и малый автобус, тоже на базе полуторки, с полным комплектом перевязочного материала и всего необходимого для оказания помощи раненым. Пока шло формирование, меня направили на помощь в госпиталь, где дали мне 2 палаты раненых. Как мог, я щадил раненых на перевязках. Они меня называли доктором, под халатом-то не видно было два моих кубаря. Полюбили друг друга. И был интересный случай. На несколько дней направили меня на приёмный пункт. Пополнение-то прибывало каждый день. А когда вернулся в госпиталь, то заведованием полушутя, полусерьёзно отчитала: «Где так долго были? Ваши

раненые забастовали, не шли на перевязку, говоря, что дождутся своего доктора». Это, видимо, из-за того, что перевязки мне удавалось делать, не травмируя раненых. Перекиси водорода мне было не жалко, я тратил её, чтобы присохшая повязка отходила, не раздражала раненого. В этом и был секрет нашей взаимной любви.

Наша дивизия формировалась как горно-стрелковая. Всё было на конной тяге. И мы имели верховых коней. Мне достался очень умный конь Карько. И рысь у него была хорошая, и привязывать я его не привязывал. Похлопаешь его по шее, а то и кусочек сахарку дашь, он и будет тебя ждать без привязи. Я с ним не расстался и тогда, когда была команда для посадки на корабль для отправки в Севастополь. Коней оставляли артиллеристам, в полевые кухни. Остальных сдавали. Я договорился с друзьями, и они взяли моего Карьку в кухню с тем, что в Севастополе я его заберу, а взамен найду для кухни другого коня. Так и сделали. Карько ещё долго служил мне в Севастополе.

Как-то мне нужно было срочно съездить в санотдел Армии, который был на Херсонском мысе. Я поскакал кратчайшим путём через балку Бермана. И вдруг появились два Мессера, они гонялись и за одинокими машинами, и за одиночками. Один из самолётов, вижу, повернул в мою сторону. Но мне повезло в том, что я в это время был уже около старых каменоломен. Я с коня и в выемку каменоломни, а Карько — в кусты. Так немец сделал два захода, строчив из пулемёта, а я-то уже был укрыт в камнях. Когда он улетел, я вышел, крикнул

«Карько, Карько», и мой верный друг примчался ко мне. Но у меня, к сожалению, не оказалось сахарку. Я просто душевно обнял его. Карьку очень жаль: один раз осколком у него оторвало левое ухо, а другой раз он был смертельно ранен в голову. Жаль было верного друга.

Ну, это отвлѣкся.

В день отправки в Севастополь из Кутаиси прибыли в Потти для посадки на корабль. Нас погрузили на корабль «Абхазия». Мы, три друга, на верхней палубе соорудили свою каютку из тюков тёплой одежды и брезента. Корабль сопровождали два эсминца «Безупречный» и «Беспощадный», которые и спасли корабли от атаки немецкой подводной лодки, забросав её глубинными бомбами. Шли турецкими берегами, затем повернули на Севастополь. На третий день был сильный шторм. Некоторых укачало, и пришлось их выносить. В Севастополе пришли в Южную бухту, при входе подверглись артналёту, т. к. участок обороны был весьма малым: по периметру где-то 45 км, который весь простреливался.

В Севастополь прибыли в начале второго штурма города. Наша 388 стрелковая дивизия была брошена в контратаку на Мекензены горы.

Бои шли жестокие, отдельные участки переходили из рук в руки, доходило до рукопашных схваток. Артиллеристы артполка полковника Норенко за один день уничтожили 15 танков. Наша 388 многонациональная

стрелковая дивизия сражалась отважно. Во время одной контратаки был отбит участок, где увидели пулемётчика-азербайджанца, смертельно раненого, который смог задушить фашиста, впившись в его горло зубами.

Раненые не покидали поле боя, если могли ещё держать оружие. А некоторые, уже отвезённые к кораблям на пристань, сбегали в свои части. Раненых было много. За три дня боёв дивизия потеряла более 75% своего состава убитыми и ранеными.

В это время я был командиром эвакуотделения 475 медсанбата, отвечал за эвакуацию всех раненых. Один раз начальник санслужбы приказал срочно организовать эвакуацию раненых 773 полка, который вёл тяжёлые бои в районе Любимовки, а о судьбе раненых ничего не было известно. Я срочно по тревоге поднял эвакуотделение, в составе которого было 5 автомашин: 4 полуторки и автобус. Уже вблизи места боя увидел в воронке военврача-грузина (с одной «шпалой»), и с ним — санитаря. На вопрос, где ППМ (полковой пункт медпомощи), он, только пожав плечами, ответил: «Вот это всё». Можно было, конечно, привлечь его к ответственности, но не до этого было. Я забрал его в автобус, и мы прибыли непосредственно к месту боя. В уцелевшей одноэтажной казарме развернули полковой пункт медпомощи. Полуторки, используя складки местности, овражки, кусты, смогли приблизиться к цепям сражающихся. Машины сразу стали наполняться ранеными, кто мог, сами добирались, кого приносили санитары или товарищи. Ни о

каких повязках, жгутах или шинах под огнём боя речи быть не могло. Нужно было вывезти раненых из-под огня, а уже в пункте медпомощи делали всё необходимое: осторожно снимали с машин, накладывали жгуты, шины, повязки и отправляли в Севастополь для дальнейшей эвакуации на кораблях. На второй день борта машин уже были в крови. И так 4 суток.

Здесь можно вспомнить случай уже после войны, когда нас, севастопольцев, участников Приморской армии, оставшихся в живых, собрали в Москве, в Доме Красной Армии. Ко мне подошёл здоровенный матрос и стиснул меня в своих объятиях. Я, боясь за свои рёбра, попытался отстраниться, сказав: «Кто это вы, что-то не помню?» Он заявил: «Как, не помнишь матроса?» (рядом с нами в Севастополе дралась морская бригада, и раненых мы вывозили). «Ты меня полуживого на полуторке вывез из-под Любимовки, отправил на корабль, вот я и живой рад видеть тебя». Он забрал меня в компанию матросов, и мы отметили такую необычную встречу. На моём счету прибавился ещё обязанный мне жизнью человек.

В связи со сказанным мне вспомнилось одно письмо, в котором женщина-врач писала, что она обязана мне жизнью. А дело было так. Она по состоянию здоровья должна была быть эвакуирована из Севастополя на корабле «Сванетия». Но почти перед отплытием она нашла меня и со слезами на глазах (это слабо сказано) умоляла меня отправить её на сопровождающем военном корабле. Ей нельзя было отказать, так как она умоляла. А до отплытия

кораблей было очень мало времени. Я помчался на верном Карьке кратчайшим путём через балку Бермана, оформил документы и успел отправить врача на эсминце «Безупречный». А вскоре получил от неё письмо, где она писала, что обязана мне жизнью, так как «Сванетию» немцы потопили в 70 км от Поти. Погибли сотни раненых, спаслись только 10 человек из команды.

В дни затишья тоже были подвиги защитников города-героя.

В Южной бухте был обстрелян зажигательными снарядами корабль, на борту которого были глубинные бомбы. Если бы огонь дошёл до глубинных бомб, а ящики, в которых они хранились, вот-вот должны были загореться, то погиб бы не только один корабль, но и стоящие рядом на причале. К счастью, здесь оказался Иван Голубец. Не теряя времени, обжигая руки, он стал горящие ящики с бомбами выбрасывать за борт. Последний ящик он выбросить не успел, бомба взорвалась, и Иван погиб, но корабли были спасены.

В дни затишья продолжали свой бег и трамваи, школы работали в штольнях. Ученики считали своим обязательным долгом посещать школу, а после занятий шли помогать работать на заводы, которые тоже работали в штольнях, и ковали оружие для боёв.

Разведчик Филипп Ноздрачёв хорошо владел немецким языком. В разведке за языком вместе с товарищем должны были взять в плен начальника

оперативного отдела немецкой дивизии. Но он в штаб не явился, пришлось брать в штабе дежурного офицера и заставить его везти на санках штабной сейф.

В другой раз отважный разведчик подкатил к своим на немецкой машине. Друзья посмеялись над Филиппом: «Видели и на санках, и на машине, а вот на танке слабо?» Выручила попавшая в окружение немецкая батарея, и здесь же подбитый танк с незначительным повреждением. Танк удалось запустить, и Филипп, чтобы товарищи над ним не смеялись, подкатил к ним и на танке.

Отважно дрался и Иван Богатырь. Таких примеров можно привести много за дни обороны Севастополя.

Отважно дрались и наши соколы. Лётчик Рыжов совершает таран. Только в небе Севастополя наши лётчики совершают 15 таранов. Хрусталёв повторяет подвиг Гастелло, бросив свой загоревшийся самолёт на скопление немецких танков. 22 апреля при обстреле аэродрома погибает любимец Севастополя командир лётчиков Остряков, бывший участник боёв в Испании. Он и в Севастополе лично водил лётчиков на немцев. Погибшего героя-любимца Севастополя проводили мощным артогнём по немецким позициям.

Отважно дралась пулемётчица Нина Онилова. Будучи раненой, когда был разбит её ДОТ, она продолжала вести огонь, пока не была вторично ранена. В госпитале, куда её успели отнести, её навестил командующий Приморской армией генерал Петров. На прощанье он сказал: «Спасибо,

дочка. От всей армии спасибо. Тебя знает весь Севастополь, узнает вся страна». Нине посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Отважный снайпер Людмила Павличко уничтожила более 300 фашистов.

Медсестра Кутова, когда увидела, что замолк станковый пулемёт, подумала, что пулемётчик, возможно, ранен, быстро подползла к пулемёту. Один пулемётчик был убит, другой — ранен. Когда она хотела перевязать пулемётчика, он пришёл в себя и заявил: «Дочка, с этим потом. Стреляй, а я помогу». Он заправил пулемётную ленту, а она открыла огонь. Позднее она рассказывала: «Стреляю, а у самой слёзы ручьём: пулемётчик-то, отказавшись от перевязки, почти умирает, а сам даже не стонет».

Да, большой вклад внесли женщины в оборону Севастополя!

Санструктор Мария Байда стала разведчицей, убила 15 немцев. В другой раз пришла в Дом офицеров, захватила пулемёт и автомат.

Вот такое сделал отступление. А теперь — о Севастополе.

Второй штурм Севастополя, как и первый, для немцев стоил огромных потерь. Иначе и не могло быть. Надо было им знать Севастополь, за который стояли все: и

моряки, и армия, и жители Севастополя, в том числе женщины и дети. И теперь речь пойдёт о городе-герое.

На пути немецких танков встали все. Первыми по немецким танкам открыла огонь морская батарея старшего лейтенанта Заики. От прямого попадания тяжёлого снаряда морской батареи оставались пустые места. Отважно сражались курсанты морского училища. В сумке одного из курсантов была

найдена записка. «Мы, сыны Ленинского комсомола, выдержали суровое испытание. Мы погибаем, но враг в Севастополь не пройдёт».

У деревни Дуванкой 5 матросов во главе со старшиной Фильченковым остановили танки, бросаясь под них со связками гранат. Защитники Севастополя, даже раненые, не покидали город.

В бегах из госпиталя и я был. Когда, контуженный взрывной волной тяжёлой авиабомбы, я лежал в госпитале в штольне завода, раненых было много. Одежда наша лежала под койкой. У меня была большая флегмона от

падения. Но я быстро научился ходить сначала с костылём, а потом — с палочкой.

Как-то наша машина привезла раненых, я оделся и сбежал в свой медсанбат. За документами я приехал на машине, по пути на армейские склады на другой стороне от госпиталя, тоже в штольне. Мой товарищ, командир второй роты Прокин Алёша, зашёл со мной в госпиталь. При выходе из штольни мне встретились мои палатные сёстры-грузиночки. Они отругали меня: «Борис, ты сбежал даже без документов, а нас за это отругали». Мы перебросились несколькими словами, а Алёша пошёл на другую сторону в склады. Он уже был на подъёме, когда рядом разорвался тяжёлый артснаряд, который двумя осколками в грудь смертельно ранил Алёшу. Онское скончался, а меня, выходит, спасли несколькими словами медсестры. Очень жаль было прекрасного товарища. А с медсёстрами позднее был жуткий случай. Мы втроём шли в госпиталь в Георгиевском, когда разорвавшийся снаряд смертельно ранил медсестру, шедшую в стороне взрыва. Мы подхватили упавшую, дотащили в госпиталь, но она, не приходя в себя, скончалась, а её подруга, шедшая с нами, на другой день поседела.

И я позднее был ранен в районе п. Комары. Я прибежал к раненым в роту, к товарищу по Ленинграду. В бою немцы выбили его роту из важных позиций, и он получил приказ в ночном бою отбить важные утраченные позиции. А у него от роты осталось всего 12 человек. Ему добавили несколько человек, и я оказался в атакующей

группе. Уже в который раз оказался ручным пулемётчиком, ведущим на ходу огонь из пулемёта. Слева фланговым огнём автоматчик ранил меня в мягкие ткани бедра и руки. Разрывная пуля перебила ремень, на котором на шее висел пулемёт. Три мелких осколка царапнули, а осколок побольше — перебил пряжку португалии и застрял в грудной кости. Выходит, что пряжка и спасла. Немцы не выдержали ночной огневой атаки и отступили. А товарищ смог вернуть утраченные окопы. С этим лёгким ранением я из строя не вышел. Опять повезло.

Израненный, но величавый стоял Севастополь. А в это время наши войска освободили Керчь и Феодосию. Наши войска имели здесь преимущество в живой силе, артиллерии, в танках. А авиация действовала через Керченский пролив.

Севастополь надеялся на удачу и даже предпринимал контрнаступление. Но эти хорошо начатые бои за Керчь провалились из-за вмешательства ставки, представитель которой вмешивался в командование, подменял командиров, растянул высаженные войска в одну линию без эшелонирования, что позволило немцам прорвать наши войска, затем окружить их и вести бои на уничтожение. Нашим войскам пришлось поспешно отступить, форсируя Керченский пролив. Потери были огромные. Говорили, что воды Керченского пролива были окрашены кровью, нашей русской кровью. А виновный в этой катастрофе, представитель Ставки, отделался только понижением в звании.

После этого поражения немецкий фельдмаршал перебросил все войска и технику для наступления на Севастополь. Под Севастополь была даже подвезена огромная пушка «Дора», которая стреляла семитонным зарядом, в воронку от которой можно было вместить двухэтажный дом.

Начался самый мощный, самый жестокий 3-й штурм Севастополя. Немцы даже прибегли к бактериологическому оружию. Использовали снаряды, начинённые брюшнотифозной палочкой. Союзное командование заявило, что если немцы и в дальнейшем будут применять бактериологическое оружие, то и Германия будет полита бактериологическим оружием. После этого немцы перестали применять его.

Штурм начался многодневной варварской бомбёжкой и артобстрелом. В записках одного французского генерала есть такая запись: «Немцы во время последнего штурма Севастополя столько сбросили бомб на Севастополь, сколько союзная авиация за всю войну не сбросила на Германию».

Севастополь был сильно разрушен и горел. Только кое-где на окраинах смогли уцелеть малые частные дома. На улицах Севастополя можно было увидеть жуткие картины. Вот на проспекте Фрунзе из-под обломков разрушенного пятиэтажного дома видна голова погибшей женщины и раздавленного здесь же её ребёнка. Немного дальше горела автомашина ЗИС-5, в кабине которой горел её водитель. Однажды во время сильной бомбёжки мы

находились в подвале дома, где организовали перевязочный пункт. Вдруг вбежала жутко заплаканная девушка, которая кричала: «Помогите спасти маму». На улице рвались авиабомбы. Я схватил санитарную сумку и побежал с девушкой к их дому, где лежала её мама. Но помощь уже была не нужна, она была мертва, пуля немецкого самолёта пробила ей грудь в области сердца. И я мог только помочь девушке занести мёртвую мать в дом.

Немцам удалось блокировать Севастополь и с моря, и с воздуха. В Севастополь снаряды и другие боеприпасы, в том числе и снаряды для гвардейских миномётов, а также питание могли доставлять только подводные лодки. Понятно, что всего не хватало.

Замолкали батареи, были случаи, когда одна батарея просила другую открыть огонь на себя. Так на смерть стояла 365 батарея Пьянзина. 22 июня с батареи старшего лейтенанта Сухомирова была передана открытым текстом просьба на другую батарею: «Саша, открывай огонь на меня, отбиваемся гранатами». И последние его слова в эфире: «Спасибо, Саша, снаряды ложатся хорошо! Прощайте».

Замолчали и грозные «Катюши». Оставшиеся в живых гвардейцы были вынуждены сбросить их в море, чтоб они не достались немцам. А после войны из Москвы были привезены 15 берёзок и посажены на Херсонесском берегу, где были сброшены в море 15 «Катюш».

В мемуарах командира 8 морской бригады есть такая запись: «Когда мы подбежали на позицию гаубичных пушек, то стреляла из них одна, и стрелял один матрос. Поспешно мы спросили, где остальные? Он, не прекращая огня, махнул рукой, показывая на убитых товарищей: «Здесь они». Тогда мы помогли матросу выпустить по врагу оставшиеся 8 снарядов, и батарея замолчала». Севастополь не сдавался, он пал, как боец, истёкший кровью. Жутко было смотреть на товарища, разрушенный красавец город-герой.

А в это время наши войска отходили с боями на Херсонесский мыс. Здесь, в районе Камышёвой бухты, предполагалась эвакуация. Для этого был сооружён на мощных цинкачах, натянутых с берега к морской скале в море, трап, с которого предполагалось вести посадку эвакуируемых. К этому трапу могли подходить только лёгкие суда, которые без швартовки тихо проходили у трапа, с которого сыпали люди. Большинство всё же попадало на борт, но некоторые оказывались в море.

Так подходили три тральщика или морские охотники, мы уже были на середине трапа, и нам предстояло тоже прыгать. Но от тяжести собравшихся людей цинкачи не выдержали, и людская масса оказалась в море. Мне удалось ухватиться за порванный трос, иначе я бы утонул, так как за плечами был автомат ППШ, а санитарная сумка была наполнена боеприпасами. На скалу забралось столько людей, что если качнуться с одной стороны, с другой люди падали в море. На рассвете появились немецкие

истребители, и мы, перебираясь за цинкачи, поспешили выбраться на берег, занимая оборону. В это время была организована попытка прорваться в Балаклавские леса. Но прорваться не удалось, т. к. шли только с лёгким оружием, а немцы расстреливали нас из всех видов оружия. Многие погибли, а остальные откатились в прибрежные скалы. Об этой попытке есть даже запись в мемуарах немецкого фельдмаршала Манштейна: «Они шли на нас сплошной массой, среди них были и раненые, и женщины».

Вновь заняли оборону в надежде на повторение эвакуации. Но трапа уже не было, и даже малые судна уже не подходили. Некоторые уплывали в море на подручных средствах, на автомашинных камерах. Правдиво записано в песне о подобранном моряке, сжимающем камень Севастопольской земли. А другого полуживого моряка позднее подобрали на автокамере у турецких берегов.

На оборону собиралось всё оставшееся оружие и боеприпасы. Здесь уже не было полков, взводов, а были очереди. Раненые отправлялись к морю, а их место занимали другие. Я опять стал ручным пулемётчиком на «Дегтяре». Во время обстрела нас миномётным огнём осколок мины ударил в раструб поршня пулемёта. Затвор пулемёта остался в заднем положении. Чтобы осмотреть пулемёт, я немного приподнялся, и в это время другой осколок мины ранил меня в правую ягодицу. У меня забрали на оборону всё оружие и патроны, даже взяли и пистолет с двумя обоймами. Я сполз к морю, напился морской солёной воды, ей мы питались не один день. Через

какое-то время немцы проббили нашу оборону и стали выгонять оставшихся, чаще раненых. Первый порыв был взять пистолет и застрелиться, я уже и забыл, что пистолет у меня забрали ещё для обороны.

И тут начался самый жуткий период моей жизни в плену. Но уже тогда я поклялся опять иметь оружие и отомстить фашистам.

Трагический конец Приморской армии, Севастополя. Ужасы фашистского плена. Побег. В партизанах.

Огромный вклад в дело победы в ВОВ внесла прославленная Приморская Армия, которая обороняла Одессу, Севастополь, сдерживала огромные силы фашистских войск. Только Севастополь в период трёх штурмов уничтожил более 300 тысяч фашистов. Газета «Правда» того времени писала: «Севастополь столько уничтожал фашистов, сколько попадало в поле его зрения». Можно назвать массу его героических защитников. Только в небе Севастополя наши отважные соколы совершили 15 таранов. Нещадно разила врага отважная Нина Онилова из 25 Чапаевской дивизии, которая во время второго штурма Севастополя, когда был разбит её дот, продолжала вести бой уже раненая, но была смертельно ранена повторно. В госпитале её успел навестить командующий Приморской Армией генерал Петров. Нине посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Обороняя Одессу, Армия контрударом отбросила немцев на 30 км, в результате кораблям частично удалось провести эвакуацию, а Приморская армия с боями прорвалась в осаждённый Севастополь. О героизме защитников Севастополя уже написано много, я пишу о его трагическом конце. Город-герой Севастополь не был побеждён, он пал как герой, истёкший кровью. Немцам удалось после разгрома наших войск захватить Керчь и Феодосию. Воды Керченского

пролива были окрашены кровью наших солдат. После такого разгрома немцы всю технику и войска перебросили под Севастополь. Была переброшена и знаменитая пушка «Дора», которая вела огонь очень тяжёлыми снарядами. Немцы применяли и бактериологическое оружие.

Приморская Армия во время 3 штурма Севастополя вела тяжёлые бои, когда немцам удалось создать жёсткую блокаду Севастополя. Боеприпасы, питание стало возможным доставлять в Севастополь только подводными лодками. Остались без боекомплекта и 15 наших знаменитых «Катюш», которые были сброшены в море, чтобы они не достались немцам. Были случаи, когда командиры батарей вызывали огонь на себя.

Была предпринята попытка прорыва в Балаклавские леса, но у нас было только лёгкое оружие, и немцы отразили нас жестоким огнём. Потери были большие, и оставшиеся отошли и заняли оборону в надежде на эвакуацию. Но большие корабли подходить уже не могли, т. к. немцы подтянули артиллерию. Для малых судов в районе Камышовой бухты был сооружён большой трап на цинкачах от морской скалы на берег. К этому трапу потянулась громадная масса людей. К трапу подходили морские охотники, не пришвартовываясь. Люди прыгали с трапа на корабли, кто попадал на борт, а кто — и в море. Наконец на трап набилось столько людей, что тросы, не выдержав, порвались, и вся масса полетела в море. Мне удалось ухватиться за конец троса, и я выбрался на морскую скалу. На рассвете появились самолёты, и все,

спасшиеся на морской скале, стали срочно выбираться на берег. В надежде на повторную попытку эвакуации мы заняли оборону. Я вновь стал ручным пулемётчиком. Осколок от разорвавшейся рядом мины повредил пулемёт. Я бочком наклонился, хотел разобраться, почему замолчал «Дегтябрь». В это время осколок другой мины ранил меня, застряв в ягодице. С этим осколком я и попал в плен. Началась самая жуткая полоса в моей жизни. Когда дальнейшее ведение боя было невозможно из-за отсутствия боеприпасов, нас, уже 5 дней живших на одной морской воде, истощённых, немцы стали вышибать из прибрежных скал и сгонять в лагерь — участок ближайшего виноградника, обнесённого колючей проволокой. От голода мы быстро выкорчевали, пережевали и проглотили всё, что было можно. Отсутствие воды доводило до безумия.

Сразу испытали зверское обращение фашистов. Били прикладами, пинали, некоторых пристреливали, вылавливали евреев, и мне пришлось показать свой «паспорт» в штанах. Немного позднее бросали куски хлеба, а по куче бросившихся за хлебом голодных людей давали автоматные очереди. Я набирался мужества и не поддавался на такое унижение, не подбирал ни одного куска. В дальнейшем был и такой немец-подлец, который выравнивал ряды идущих пленных прикладом, покрикивая: «Линия, линия!»

В дальнейшем лагеря перемещались дальше от Севастополя. Однажды нас загнали на бугристую

местность, окружённую болотом. Так решилась проблема с водой. Решилось и с едой кое-что: в этом болоте было множество лягушек, которые за короткое время были выловлены и съедены. Вскоре нас подогнали на полустанок и загнали как сельдь в бочке в переполненные вагоны. Я уже очень плохо себя чувствовал, и когда нас привезли в Бельбек, я уже не мог самостоятельно выбраться из вагона. Страшное расстройство живота лишило последних сил. Спасли верные друзья, подтащили к строю пленных и положили перед строем на землю. Это уже должен был быть мой конец, т. к. немцы обессилевших пленных пристреливали и стаскивали в кучу.

Не знаю, какому Богу молиться, но мне и здесь чудом повезло. Друг мой Женя не покинул меня, когда к нам подошли три немца. Двое из них с пистолетами пристреливали доходяг. Третий из них оказался немецкий врач. Когда он, указывая на меня, спросил: «Ворум?», Женя ответил: «Руссиш арц кранк». Немецкий врач переспросил: «Руссиш арц?» (т. е. врач). Видимо, ему было жаль пристреливать коллегу. И он собравшимся женщинам крикнул: «Матка, ком!» и указал на меня. Две женщины оттащили меня к стогу соломы, откуда-то у них оказался большой кувшин ряженки, которым напоили меня, что и спасло мне жизнь. Эту ряженку я сглотил одним махом, и вкус её, мне кажется, я помню до сих пор. В меня, кажется, вернулась жизнь. Нас загнали, а мне помогли добраться до конных дворов, где была солома. В ближайшие дни ребятишкам и женщинам удавалось забрасывать нам что-то

из пищи. Нам достались сумки с семечками, которые вместе с кожурой мы жевали и проглатывали. И очень удивительно, от такой пищи прекратился понос, кажется, жизнь возвращалась. Дальше были и другие переносные лагеря, где была большая скученность и страшная завшивленность: по утрам мы не вылавливали вшей, а прямо стряхивали с одежды или сгребали руками.

Так мы дожили до лагерей в Ровно. Прошёл слухок, что лагерь посетила какая-то международная комиссия. И в нашей жизни многое изменилось. Нас обработали, вымыли и одели в спецодежду, на груди и спине которой крупными буквами было написано «СУЛ». Мы-то это быстро расшифровали по-своему: «Сумей убежать летом, летом убежишь, спасёшься». Правда, воодушевляющая расшифровка. Мы, чудом оставшиеся в живых, только и жили этой мечтой: бежать, добыть оружие и мстить!

В Ровненских лагерях пленных, кто поздоровее, уже брали на работу в город. Но я ещё был слаб. Правда, мой осколок с нарывом прорвался, и рана стала заживать. Помогали наши пленные медики. Наиболее окрепших пленных уже набирали как рабочую силу в Германию. Меня как слабака, наверное, и не отобрали бы, но мы, три друга, прибегли к страховке. Отбор производили утром, когда раздавали хлеб и баланду. Мы же не шли за пайком и забирались в огромные помойки: один раз 3 дня подряд, другой раз — один день. И это спасло от отправки.

Следующим лагерем был Кировоградский. Здесь наш пленный военврач Субботин совершил гражданский

подвиг. В лагере был госпиталь, там наш врач обозначил две палаты на отшибе как «брюшнотифозные», и немцы боялись сунуть в них нос. Субботин таким образом вернул к жизни несколько наиболее ослабленных. Среди них и я. Как медик, оказался каким-то помощником Субботину. В этих лагерях уже было меньше военнопленных.

И вот однажды в лагерь прибыла команда в лётной форме для набора на работу. У нас сразу возникла тревога: «Куда?» Мы знали, если отправляли на работу на секретные объекты, то после окончания работ эта команда ликвидировалась (расстреливалась). Поэтому сразу возникло решение: бежать из вагонов, а такие случаи были, или через форточку, или через пол. У некоторых ребят были припрятаны пилки или что-нибудь острое. Дело было в марте. Пригнали нас на станцию посадки, где были подготовлены товарные вагоны. Чтобы мы не могли бежать, заставили снять даже деревянные колодки, но мы ещё жили какой-то надеждой: можно бежать и в портянках, уж тёплый март. Стали сажать в вагоны, и, о ужас, рушится всякая надежда побега: в каждом вагоне оборудован угол для двух автоматчиков охраны. Совсем пали духом, т. к. стали думать, что везут на какой-то секретный объект, связанный с авиацией. Значит, должны что-то строить, а потом — в расход. Но нам опять повезло: нас привезли в Псков для расширения городского аэродрома, а это — уже что-то. Нас гоняли на аэродром для расширения взлётных полос, а лагерь — на краю города. Это уже не секретный объект. И опять — новые планы. Из разговоров мы узнали,

что был случай, когда двое военнопленных, работавших недалеко от самолётов, смогли улететь. Заманчивая мечта, но увы, мы работали на земляных работах далеко от самолётов. Ничего не рождало надежды, наступил период безразличия, обречённости. В один день поплёлся и оказался в конце строя. Подошли три немца, отсчитали 10 крайних человек, показали на лопаты и велели садиться в кузов. 2 охранника сели в кузов, а один автоматчик сел в кабину. И о чудо! Везут нас по лесной дороге. Вот, кажется, прыгнул бы и убежал в лес, но два автоматчика сидят в кузове лицом к нам. Привезли нас на речку в районе ст. Торошино. Мы должны были грузить крупный строительный песок. Тягач вытаскивал машины с песком, а мы должны были ждать прихода следующих машин. Представьте наше настроение: кругом лес, речка, но все незнакомые. Лето, жара, а наши добрые конвоиры позволили нам искупаться, но нас предупредили, чтобы мы не удрали. Мы, конечно, поклялись. К концу работы конвоиры нас предупредили, чтобы на следующий день все 10 человек были те же, видимо, понравилось, что не сделали «драп-драп». Они так и сказали: «Руссиш драп-драп, а конвоиры за это — цурик на фронт». Мозги заработали, что же делать на следующий день, т. к. уже принял решение в лагерь завтра не возвращаться, лучше погибнуть. Стал присматриваться к остальным, а в лагере на нарах подлёг к одному, постарше меня, и открыл ему свои планы. А он даже обрадовался и сказал, что они с Ванюшкой тоже решили бежать. Я, правда, посоветовал моим друзьям попытаться пристроиться к 10 человекам.

Но на утро наши конвоиры удалили их и строго отобрали только вчерашних, «проверенных». Обдумывая побег, мы выбрали три варианта. Первый: когда поедем уже по лесу, броситься на конвоиров и бежать, 2-ой вариант: просто выброситься из кузова в лес, кому-то повезёт убежать, и 3-й вариант: вспомнили вчерашнее разрешение купаться. На этом и остановились: бежать в лес без обуви и без одежды. И нам опять повезло. Как по заказу, пошёл сильный дождь, конвоиры сели в крытый тягач, а мы, 4 человека, — под мост. Я обратился жестами к конвоирам, показывая на штанишки, что необходимо опраться за насыпью у моста. Они крикнули: «Гут, гут». Мы втроём только зашли за насыпь, и бросились в кусты. И опять повезло. Сначала мы наткнулись на немцев, которые здесь занимались изучением тактики. Мы вовремя отпрянули и перебежали железную дорогу в обратном направлении. Это и спасло. Позднее мы узнали, что по тревоге был поднят отряд и брошен на наши поиски в ту сторону, куда мы побежали сначала. Хорошо, собак у немцев не было. А мы бежали. Была покосная пора. Увидели двух косцов, осторожно подошли к ним. Они сразу узнали, с кем имеют дело по нашей надписи «Сумей убежать летом». В первую очередь угостили нас печёной картошкой с хлебцем. Мы спросили о партизанах, но они, видимо, опасаясь, ничего о них не сказали, кроме того, что идёт слух, что они где-то есть по ту сторону дороги, и показали, где дорога. И мы пошли напрямик, но попали в болото и чуть не утонули. Максиму удалось ухватиться за берёзку, и мы выбрались. Тогда двинулись по кромке леса, пока не дошли до большой

покосной поляны. На ней увидели костёр и несколько человек, остановившихся на ночлег. Присмотревшись, мы не обнаружили вооружённых людей и подошли. Я ещё издали крикнул: « К вам можно?» Встреча началась с угощения печёной картошкой, понятно, кто к ним прибыл. Один из мужчин дёрнул меня за рукав, и мы немного отошли. Он предупредил нас, чтобы мы быстрее сматывались, т. к. он — помощник старосты и завтра должен доложить о нас, беглых. Я даже пожал ему руку, и мы пошли к лесу на край поляны. Но никуда мы после болота уже идти не могли: мокрые и обессилевшие. На краю поляны мы забрались под большие копны, да так храпели, что выбрались из-под копен, когда солнце было уже высоко. Мы быстро скрылись в лес. Вышли на шоссе, пересекли её. Вот мы и в лесу, на свободе. Что с нами было, надо бы посмотреть: мы и смеялись, и плакали, прыгали, изображали наших конвоиров, когда те обнаружили пропажу. Ну уж пусть простят нас, что не сдержали обещание: мы были на свободе. Пятеро суток прошли в поисках партизан. В одном селе нам посоветовали попытаться выйти на заброшенную мельницу, где бывали партизаны. На 5-е сутки мы задержались в малиннике и подошли к селу уже в темноте. Дежурным был в этот день Михаил Ламбоцкий, он должен был идти на разведку в село. В селе лаяли собаки. Михаил подполз к крайнему дому и вдруг побежал оттуда, махая рукой. Мы к нему, а он рассказал, что на стук в окно вышла женщина и замахала обеими руками, он и драпанул. А меня так и подмывало, а вдруг это были партизаны? Выждали,

пока собаки смолкли, всё стихло, село спало. Я подполз к тому же крайнему дому и тихо постучал в окно. Уместно вспомнить о нашем местном населении, когда они открывали дом на слова «Свои». Бедненькие, сколько им пришлось пережить. На мой вопрос, кто был в селе, она сказала: «Партизаны». Я так и присел. Вернулся, и как мы только не ругали Михаила! Но что было, то прошло. Мы забрались в сарай и в сене выпались, а на рассвете вышли и пошли к лесу по росистому следу. Это была продгруппа партизан, которая прихватила и бычка. По пути не раз теряли партизанский след. Вскоре мы научились его разгадывать. В глубоких сумерках вышли на партизанский костёр. На вопрос: «К вам можно?», нас окружили вооружённые люди и убедились, кто мы.

Это была та продгруппа, за которой мы шли, а отряд был на задании. Отряд вернулся ночью. Командир отряда ст. лейтенант Алексеев, комиссар Круглов уточнили, кто мы, приказали отдыхать, набираться сил. Нас, доходяг, правда, поставили на хорошее питание, и, казалось, сила начала вливаться в организм. Через 10 дней командир вновь вызвал на беседу, между прочим, спросил и о том, где наше оружие. Ответ был им понятен. И старший лейтенант сказал, чтобы мы сами добыли оружие. Для проведения этой операции дали по противотанковой гранате и по Ф-1. Нам дали в помощь партизана из местных жителей. Он хорошо знал местность и вывел нас к месту заготовки берёзовых дров, где ещё сохранились длинные поленницы. Я залёг у дороги в сторону

Ленинграда, а ребята — в другую сторону. Мне повезло. Уже рассвело, и с моей стороны мчится немецкая легковушка. Не знаю, какой во мне сработал механизм, и я удачно всадил противотанковую гранату в немцев. Машина была взорвана, уничтожены два офицера и водитель. Правда, пришлось их добивать, а нам достались 2 автомата, карабин и два пистолета. Ура! Мы уже стали вооружённые партизаны.

А первый мстящий удар вместе с партизанами мы нанесли по летним немецким казармам в районе ст. Торошино. Местность мы знали хорошо, т. к. отсюда мы и бежали из плена. Мщение было удачное, т. к. лёгкие казармы простреливались автоматнo-пулемётным огнём. Немцы выскакивали, бежали, но многие были уничтожены, а мы отошли только с двумя ранеными. И для нас наступила обычная партизанская война. Отряд вместе с нами насчитывал 35 человек. Нам пришлось подрывать рельсы, удалось на mine нажимного действия подорвать эшелон, правда, порожняк, но всё равно движение поездов на некоторое время было прекращено. Вначале немцы охраняли железную дорогу жителями ближайших селений. Но эта стража сразу исчезала при подходе партизан, которые свободно подрывали рельсы, закладывая толовые шашки с коротким бикфордовым шнуром, который зажигали при отходе, а рельсы рвались. Тогда немцы стали вести охрану патрулями, но это не спасало. Партизаны снимали немцев из бесшумок, а иногда и захватывали их. Немцы перешли к охране дзотами. Партизаны изменили

тактику подрыва рельсов. Ударные группы вели огонь по немцам, а подрывники закладывали толовые шашки, которые рвали рельсы, не разбрасывая осколки, что позволяло партизанам, если хорошо срабатывали ударные группы, за ночь выводить из строя рельсы на большом расстоянии. За всё пережитое в плену я мстил в партизанах. Трое вырвавшихся из плена сумели на пятые сутки скитания по лесу в поисках партизан попасть в партизанский отряд старшего лейтенанта Алексева, насчитывавший всего 32 человека, с нами — уже 35 человек. Отряд быстро рос. Вскоре это был полк, а позднее — 7-я Ленинградская партизанская бригада, которая насчитывала уже тысячи партизан, а наш командир стал уже генерал-майором. В отряде сначала мы были рядовыми партизанами пулемётчиками-подрывниками. В бригаде Михаил Ламбоцкий стал работником штаба бригады, Иван остался пулемётчиком, а я стал начальником медслужбы 3-го партизанского отряда. Ещё в составе отряда приняли участие в разгроме казарм, в которых проживала учебная команда младшего комсостава немцев. Ночью на подходе к летним казармам нам пришлось быть проводниками, т. к. мы хорошо знали расположение казарм. Отсюда мы и бежали из плена, лес нам был хорошо известен. Удар был нанесён из пулемётов и автоматов на близком расстоянии. Выскакивающие в панике немцы падали под разящим огнём. Мы отошли без потерь.

Удачной была операция по ликвидации немецкого карательного отряда в селе Большое Загорье. Село было очень большое. Немцы, опасаясь ночных гостей в лице партизан, устроились в одном конце села, разобрали несколько домов, взяв брёвна на строительство дзотов. Дзоты траншеей соединялись с домами, где команды дзотов надеялись спокойно отсиживаться, а в случае тревоги — прямо из подвалов дома бежали в дзоты. Село ночью охранялось секретами, патрулями. А в другом конце села по ночам бывали и партизанские разведчики. Вся немецкая система стала известна партизанам. Операция была хорошо подготовлена. Штурмующие отряды после ликвидации охраны должны были блокировать дзоты, встречая бегущих по траншеям команды дзотов огнём. Бой на уничтожение немцев был скоротечным. У нас оказалось 5 раненых, может быть, и от наших летящих пуль. Каратели были уничтожены. Правда, ночью некоторые могли и сбежать. наших потерь не было, что являлось характерным для внезапных партизанских боёв.

Сложной была операция по взрыву Торошинского железнодорожного моста. Мост усиленно охранялся, подходы по бокам железнодорожного полотна были заминированы. По обе стороны моста были дзоты. Первая попытка взрыва не удалась. понесли потери, и пришлось отходить. Вторичная операция по взрыву удалась. 1-й отряд бригады, командир Герой Советского Союза Плохих, нанёс отвлекающий удар по станции, а остальным удалось уничтожить дзот, заложить мощную взрывчатку. Важный

мост был взорван. После войны, командир первого отряда, Герой Советского Союза Плохих, прислал мне письмо из Ленинграда, где он после войны служил начальником ГАИ одного из районов Ленинграда. Ко мне он проявил такое внимание, потому что я лечил его, когда он был довольно странно ранен, попав под автоматную очередь с ранением мягких тканей обоих бёдер с прорывом и мошонки. Как говорят, и грех, и смех, т. к. в его отряде было много девушек, которых он называл «миномётчиками», потому что девушки, попав под атаку, падают не как мужчины, распластавшись на земле, а на локотки и коленочки. И командиру приходилось поднимать их в атаку прикладом по сидячему месту: «Вперёд, миномётчики!» Командир же был отчаянный вояка, любимец в отряде.

Партизаны проводили работу с местным населением, вселяли веру в нашу победу. В районе действия нашей партизанской бригады было село Вознесенское. И вот в праздник Вознесения нас направили в село со свежими газетами, сброшенными с самолёта, листовками. В село поскакали на лошадях шестеро: начштаба, командир разведки, я, начальник санслужбы, и наши ординарцы. В этом селе и староста, и так называемые полицаи работали на партизан. Обычно те, кто работали на немцев, уничтожались партизанами как предатели. Они, паникуя, прятались за немцев, но рано или поздно их настигала кара за предательство.

Прибыв в село, мы сразу явились к старосте, который радушно принял нас, разместив нас и лошадей, обеспечив

безопасность. В таких сёлах уже были созданы отряды самообороны. А в некоторых сёлах была и советская власть на саях, т.к. не имела постоянного местонахождения. Хорошо нас встретили. В беседе поделились новостями, раздали газеты. Наши ординарцы вместе с бойцами самообороны заняли оборону на случай, т.к. в 15 км в селе Поддубы стояли каратели. Надо сказать, что в районах действия крупных партизанских соединений, а у нас уже была 7-я Ленинградская бригада, местное население жило в достатке: что посеяли, что вскормили скотину, для немцев было недосыгаемо. Так что мы попали на большой престольный праздник, и нас радостно звали по домам. И ночевать пришлось в гостях. Староста обеспечил охрану. Утром можно было продолжать праздновать, но верхом на коне прискакал парень из соседнего (в 7 км) хутора и сообщил, что на хутор прибыли немцы на трёх машинах, чтобы набрать скотины. Решение было принято сразу: помочь хуторянам, ведь нас уже 7 всадников, местность открытая, дорога пыльная, и по команде «Аллю, три креста», рванули в хутор. Образовалось внушительное пыльное облако о семи всадников. А в селе стали кричать: «Партизаны!», и немцы умчались, не добыв мяса. А мы опять были радушно встречены как гости, затем вернулись в Вознесенское. Вдруг по другой дороге в село увидели скачущий конный отряд. Быстро заняли оборону, но вскоре рассмотрели красные ленточки на головных уборах, которые партизаны носили вместо звёздочек. Встреча была радостная, вперемешку с матом. В отряде нас немного пожурили, но,

выслушав нас и узнав причину задержки, да к тому же мы привезли и праздничное приветствие от старосты, командир бригады генерал-майор Алексеев заявил: «Придётся признать, задание выполнено», и поздравил нас.

Разгром карательного отряда. Иногда и партизаны несли потери. Так случилось в селе Большие Ключи. На ночлег мы остались в селе Малые Ключи. А на рассвете только собрались завтракать, как заскочила женщина с криком «Немцы!» Не принимая боя, решили поспешно отойти в соседнее село Большие Ключи, где партизаны имели окопы. Немцы, преследуя, открыли огонь, и у нас появились убитые и раненые. Запомнился командир роты 1-го отряда, таджик по национальности. Он уже имел орден «Боевого Красного Знамени». Его ранили по пути в Большие Ключи. Уже будучи раненым, он схватился за шею лошади и прискакал к нам. Мы сняли его с лошади уже умирающего. Первый отряд Героя Советского Союза Плохих, отходя на лошадях, зашёл справа, через березняк и, обойдя немцев, ударил с тыла, нанёс им потери, и немцы в панике бежали с криком «Партизаны!» Немцы боялись партизан, и поспешно убежали, даже оставив убитых и раненых, не решаясь вести бой за Большие Ключи. Задолго до этого и нам приходилось отходить в болото. Это было, когда отряд насчитывал не более 40 человек. Каратели обложили болото, но в болото не сунулись. Мы 10 дней укрывались в большом болоте, питаясь зелёной клюквой и другой растительной пищей.

Рельсовая война

Вначале немцы охраняли железную дорогу силами населения. С наступлением ночного времени жители села закреплённого участка (а это от села до села) выходили на охрану кто с чем: и с вилами, в лучшем случае — с дробовиком. Но вскоре немцы стали отбирать охотничьи ружья как партизанское вооружение. Партизаны ночью при подходе к железной дороге поднимали шумок, и гореохранники расходились по домам. Правда, немцы за это наказывали вплоть до сжигания села. Немцы вынуждены были охранять железную дорогу патрулями. Но партизаны снимали патрули из бесшумок, продолжали рвать рельсы в ночное время, закладывая под них толовые шашки с коротким бикфордовым шнуром. Немцы усилили охрану железной дороги, настроив что-то вроде дзотов. Партизанам пришлось изменить тактику. К этому времени партизанам с самолётов сбрасывали толовые шарики, которые рвали рельсы, не выбрасывая осколки, что было безопасней для партизан. Партизаны ударным отрядом глушили немецкие охраны, а подрывники в это время с помощью кинжала укладывали толовые шарики с очень коротким куском бикфордового шнура. Шарики, взрываясь, рвали рельсы, а подрывники, не подвергаясь осколкам, бежали дальше. Таким способом за ночь партизаны выводили из строя целые участки железных дорог. С наступлением наших войск высшее партизанское командование объявляло всеобщую рельсовую войну, в которую включались все партизанские отряды, соединения.

Задача была прекратить перевозку грузов по железным и шоссейным дорогам. Выводились из строя большие участки железных дорог. А для блокады движения по шоссейкам делали завалы из деревьев. С этой целью мобилизовывали население, которое под охраной партизан волоком на лошадях вытаскивали целые деревья, преграждая дорогу для автотранспорта немцев. Но у завалов усиленные партизанские отряды уничтожали колонны немцев, и бежать было некуда, т. к. немцы сами, боясь партизан, спиливали прилегающий лес в рост человека. В засадах у завалов и я работал пулемётчиком на «Дегтяре». Так что рельсовая война оказывала большую помощь наступающим войскам, лишая немцев снабжения всем необходимым для ведения оборонительных боёв.

Пуск под откос эшелонов наносил ощутимый удар по немцам. Когда наш отряд старшего лейтенанта Алексева был ещё небольшим, мы в составе 6 человек вышли на пуск эшелона с проводником из местных партизан. В то время подрывали поезда ещё минами нажимного действия. Проводник вывел нас на исходе ночи в удобное место для подхода к железной дороге. Вдвоём с Михаилом Ламбоцким ещё в темноте заложили под рельсы мину с нажимным взрывателем и отошли. Ждать пришлось долго. Только на рассвете появился поезд с пустыми платформами. Мина сработала под паровозом, который полетел под откос, увлекая несколько платформ. Надо признаться, что потерей для немцев мы не были довольны, но хоть на какое-то время движение по железной дороге

было остановлено. Вскоре немцы стали пускать поезда только в светлое время, прогоняя впереди 2-3 платформы с балластом, что уменьшало потери, когда подрывали поезда. В этом случае на подрыв выходила группа из пяти партизан: двое в тёмное время выбирались на железную дорогу, закладывали под рельс мину с взрывателем, от кольца которого шёл шнур из нитей парашюта в укрытие, где сидел партизан, ожидая появления поезда. Двое партизан обеспечивали охрану. Когда появлялся поезд, рывком парашюта партизан взрывал мину под первым вагоном, пропустив платформы с балластом и паровоз. Эффект был хорошим: паровоз ещё тянул, а вагоны летели под откос. Получался большой затор с уничтожением техники и живой силы. А поскольку групп на подрыв эшелонов выходило много, появлялась конкуренция: кому достанется для подрыва эшелон. Одна группа из пяти партизан заложила мину недалеко от разъезда, всю ночь прождали, а поезда — нет и нет. И только на рассвете увидели поезд с платформами гружёными кипами сена. Решали, рвать или пропустить. Решили рвать, ждать было уже нельзя, начинало светать. Нужно было хотя бы прекратить движение. Да рванули так, что досталось и разъезду, двоих партизан ранило, в том числе Володьку ранило осколком в руку. Оказалось, что платформы были нагружены авиабомбами, замаскированными кипами сена. Володька, как раненый, был отстранён от всех походов-операций, что заметно переживал. И вдруг в лесу недалеко от партизанского лагеря автоматная очередь, по сигналу боевая тревога, лагерь занял круговую оборону. И вдруг из

лесу идёт Володька с убитой вороной в руках, улыбка до ушей: «А я уже умею стрелять, кончился мой карантин, иду на задание». Ну что можно было с ним делать? Отругали. Пригрозили и вернули в строй.

Я не знаю, чего же на моём пути было больше: несчастья, горя или счастья и удач. Последний раз я был ранен, когда рвали небольшой мост и рельсы. А при отходе увелевший немец автоматной очередью ранил отходящего рядом со мной командира взвода. Я сразу же бросился для оказания помощи к раненому, а немец успел дать очередь по мне, ранив в ногу. Я упал лицом к железной дороге, и когда немец приподнялся, чтобы, видимо, добить нас, я опередил его, выпустив в него оставшиеся в автомате патроны.

Обязанностью медслужбы у партизан был закон: при выполнении боевой задачи ты в боевом расчёте наравне со всеми, а при отходе идёшь последним, чтобы на поле боя не остался ни раненый, ни даже труп партизана. Нас, раненых, вытащили товарищи, а на исходной мой адъютант Юрка перепряг моего коня в сани и доставил нас в лагерь. Долго, 18 суток, не было самолёта, чтобы вывезти нас на партизанскую базу. За 18 дней нога страшно опухла, на стопе уже появились три гангренозных пузыря. Но, видимо, счастье победило, и на 18-е сутки меня отправили на «кукурузнике». И опять немного счастья: нас не сбили немцы, им было не до нас. В эту ночь наша авиация сильно бомбила Псков, опорный пункт немцев. Шёл воздушный бой. А мы благополучно долетели до партизанской базы

уже в тылу. В Осташково меня сразу отправили на операционный стол. Два хирурга были за ампутацию ноги выше колена, а третий молодой хирург настоял на сохранении ноги, которая, хоть и плохая, но служит мне до сих пор. После госпиталя, «воскресший из мёртвых», я вернулся домой. На меня после Севастополя родные получили — «пропал без вести», что было равносильно похоронке. Немного окрепнув, на лошадке, я стал ездить в школу. Ходил на костылях, но уже приступил к своей любимой работе.

Затем переехал в г. Камень-на-Оби, где работал директором трёх школ. Трёх, потому что переводили туда, где нужно было выбрасывать печи и вести строительство. В Каменском военкомате мне зачитали Указ о награждении меня за побег из плена орденом Отечественной войны второй степени и вручили его мне. Видимо, у меня талант хозяйственника. 15 лет проработал директором и переехал в г. Барнаул. Стал работать преподавателем 105-й школы, и был избран секретарём партбюро. Потом был приглашён на должность военрука в индустриально-педагогический колледж. Удачно проводил НВП и вёл военно-патриотическое воспитание. В конкурсе колледж занял 2-е место по Сибирскому военному округу, за что был награждён командующим военным округом генерал-полковником Хомуло. По его же приказу удачно провёл два показательных учения по гражданской обороне, за что командующий вручил знак «Отличник гражданской обороны Советского Союза». В колледже тоже был

секретарём партбюро. После отмены НВП продолжал работать в колледже до ухода на заслуженный отдых. Времени стало достаточно, и я занялся писательской работой. Написал повесть о героической обороне Севастополя и партизанской войне в составе партизанского отряда старшего лейтенанта Алексева, который насчитывал всего 35 человек, где был пулемётчиком и подрывником. А когда отряд быстро вырос в 7-ю Ленинградскую партизанскую бригаду, был назначен начальником медслужбы партизанского отряда, где спас сотни раненых. Ещё в Севастополе, где был командиром эвакуотдела медсанбата, приказом по Приморской армии был награждён орденом Боевого Красного Знамени, в наградном листе к нему была запись: «Как пулемётчик, имеет солидный личный счёт уничтоженных фашистов». А как командир эвакуовзвода вывез сотни раненых. Интересной была встреча после войны с одним из спасённых. Нас, оставшихся в живых защитников Севастополя, собрали в Москве в Доме-музее Красной Армии, где неожиданно меня жулькнул здоровенный матрос. На моё удивление он заявил: «Как, не помнишь, когда из-под Любимовки (это в Севастопольской обороне) полуживого вывез из-под огня на полуторке, а потом на корабле отправил на Кавказ». Матрос забрал меня к своей компании, и мы отметили радость встречи. А их 8-я морская бригада была соседом под Любимовкой с нашей 338 СД, так что приходилось вывозить и матросов.

Порадовал меня письмом и бывший мой раненый, Герой Советского Союза, командир первого отряда нашей 7-ой Ленинградской Партизанской Бригады, Плохих, который уже после войны разыскал меня из Ленинграда, где он стал работать начальником ГАИ одного из районов Ленинграда. Разыскала из Риги и медсестра нашего 475 медсанбата Аня Морозова, лечившая меня раненого. Так что есть, что вспомнить и написать.

Немного отвлёкся и продолжаю. По нашему партизанскому закону работники медслужбы во время проведения операции были задействованы наравне со всеми в проведении боя, а при отходе после выполнения операции — отходили последними, чтобы не остались не только раненые, но и убитые партизаны.

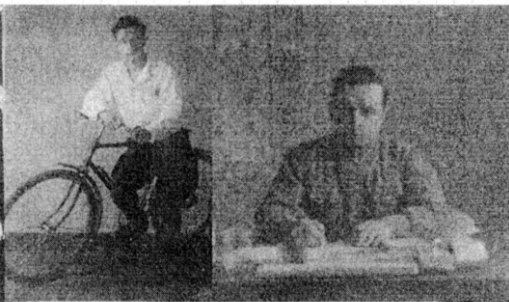
Вот в одной из операций по подрыву рельс и небольшого моста был ранен отходивший рядом со мной комвзвода разрывной пулей в колено. Он упал, а когда я подбегал к нему, этот же уцелевший немец ранил меня в ногу. Я ещё успел выпустить по нему оставшиеся в автомате патроны. Отомстил. Нас партизаны вынесли, а мой ординарец Юрка запряг моего боевого коня в сани и отвёз нас в лагерь партизан. Ранение оказалось серьёзное: был перебит малоберцовый нерв и артерия правой ноги.

В ожидании самолёта нас вывозили на наш партизанский аэродром, но самолёта не было 18 дней, и нога моя сильно распухла, а на стопе уже появились 3 гангренозных пузыря. И опять повезло: на восемнадцатый день прилетевший «кукурузник» забрал меня и удачно

вывез в тыл на нашу тыловую базу, на аэродром, где базировался истребительный полк Сталина. Так что опять чудом остался живой. Сначала не хотел писать домой и явиться воскресшим, т. к. на меня уже приходила после Севастополя похоронка, но не вытерпел и написал. Пошли госпиталя, и домой привезли на костылях. А как научился ходить на костылях, вышел на работу в селе В.-Бурла, откуда был взят ещё молоденьким с должности директора школы. С этой любимой работой и дожил до выхода на заслуженный отдых в 2005 году на 87 году от роду, по-партизански говоря: «Так держать».

Вот ещё рискнул написать повесть, которая сможет служить материалом для военно-патриотического воспитания.

Чем старше возраст, тем разносторонней
Глядишь на всё, и жаждется мне,
Как в круговой солдатской обороне
Не пасовать, привыкшему к борьбе.
Я не довольствуюся малым
И знаю, что такое труд и бой.
Гореть — так уж гореть с перенакалом
Такое предназначено судьбой.
И не иссяк запас бывшего жара,
И я считаю, правды не тая,
Что в золотом запасе всей державы
Есть золотишка кровная моя!

Песня

Седьмой Ленинградской партизанской бригады

Б. Булыгин

Окрасил дым волнистые туманы,
Ночное небо стало розовой,
В такую ночь собрались партизаны
И дали клятву Родине своей.

Родная мать, мы все полны стремленья
Громить врага, как ночью, так и днём,
Скорей умрём, чем станем на колени
И победим скорее, чем умрём.

Прошёл отряд по просеке знакомой.
С тех пор могуч и грозен тёмный лес,
Сосновый бор, ты стал любимым домом,
Под вечным куполом небес.

Коварен враг, и мысли его дерзки,
Он за бронёй, он жмётся у дорог,
Страшны врагу леса и перелески,
Стреляет немец в каждый бугорок.

За нашу кровь врагу мы мстили кровью.
Где мы прошли, там путь непроходим.
Мы любим жизнь особенной любовью,
Но если нужно, жизни не щадим.

Песня Приморской армии

Раскинулось море широко
У Крымских родных берегов,
Живёт Севастополь цветущий
Решимости полной готов.

И грудью прикрыл Севастополь родной,
Моряк, пехотинец и лётчик,
У крепкой стены обороны стальной
Могилу находит налётчик.

Мы холод и стужу видали в боях,
Мы свыклись с дождём и ветрами,
Мы будем их орды в боях истреблять
И знаем — ПОБЕДА ЗА НАМИ!

Так смело, друзья, в наш решительный бой,
Чтоб род весь людской мог воспрянуть,
Чтоб больше никто на родную страну
Не мог по-бандитски нагрязнеть.

Солдатские песни Суворов любил,
Бойцы помнят песни Чапая,
Споём же, друзья, пусть в боях прозвучит
Победная песня родная.

Поздравления друзей

Чулимова Г.Н.

преподаватель Индустриально-педагогического колледжа

Булыгину Б.П.

Ты прошёл дорогами войны.
Трудными, кровавыми и длинными.
Шрамы и рубцы на теле лишь видны,
А что в сердце боль — она невидима.

И что часто снится по ночам
Та война, переправы трудные,
Плен, побег и лагерь партизан...
Не расскажешь, кажутся ненужными.

Только в праздник, в светлый день весны —
Поздравленья, почести, парады
И рассказ о буднях той войны,
И мундир военный весь в наградах.

Будь здоров, наш светлый партизан,
О годах забудь и о невзгодах,
Знай, что благодарность горожан
Не уходит даже через годы.

Чулимова Г.Н.

преподаватель Индустриально-педагогического колледжа

Булыгину Б.П.

Ты видел кровь войны и пот,
И смерть друзей в окопе,
Ты никого не предавал,
На подлость — не способен.

Ты перенёс невзгод и бед —
Другому не под силу.
А ты вот здесь, в кругу друзей
Встречаешь нас улыбкой милой.

Ты мудр, и от беды оберегая,
В пути неблизком и крутом,
Ты неизменно отвечаешь
Добру и злу — всегда бобром.

Ты можешь всё: — и пошутить,
Конфеткой женщин угостить
И подремать в музейном кресле
Под бодрый марш военной песни.

Но если ты начнёшь рассказ
О буднях той войны огромной,
То затихает шумный класс
Мальчишек неуёмных.

Теченью лет не прекословя,
Тебе желаю всей душой
Здоровья и опять здоровья
И жизни доброй и большой.

10.07.05

Статья из газеты Вечерний Барнаул от 8 мая 1999 года

«Эх, дороги, пыль да туман...» Какая правдивая песня, в ней что ни строка, то картина, с багрянцем, с дымом...

— Война — бесконечный пожар, — подтверждает Борис Павлович Булыгин. — В моей жизни её огонь полыхал с 1941 по 1944 годы.

В коллективе Барнаульского государственного профессионально-педагогического колледжа Б.П. Булыгин — человек уважаемый. Ещё бы — 63 года педагогического стажа за плечами. Как в 1936 году встал у классной доски деревенской школы, так до сих пор верой и правдой служит образованию. В 1971 году, уже пенсионером, пришёл в колледж (тогда он именовался индустриально-педагогическим техникумом) и до сегодняшнего дня здесь трудится. Был преподавателем, инструктором, военруком. Теперь — старший лаборант.

В армейские праздники — 23 февраля и 9 Мая — преподаватели и студенты привыкли встречать Бориса Павловича в парадном офицерском мундире, при боевых наградах и медалях. Именно в эти даты вспоминаются ветерану войны и труда скорбные строки песни: “Выстрел грянет — ворон кружит, твой дружок в бурьяне неживой лежит”.

...Смертей на фронте Булыгин повидел — не счесть. Сначала — под Ленинградом, где в 1941-м в составе истребительного батальона боролся с диверсантами и немецкими десантниками (память об этом — медаль “За оборону Ленинграда”), потом — обороняя Севастополь.

— Нашу 388-ю стрелковую дивизию в Крым переправляли кораблями. С трапов и двинули в бой. За первые трое суток войсковое соединение потеряло более двух третей личного состава, — вспоминает Борис Павлович.

Под Севастополем он воевал в качестве командира отделения медсанбата по специальности, полученной накануне в военно-медицинском училище. Довелось ему тогда под бомбёжками и обстрелом эвакуировать на “полуторках” раненых в полковой пункт медпомощи. “Борта кузовов не просыхали от крови”, — рассказывает фронтовик.

Там, на Балаклавских высотах и среди скал Херсонесского мыса, он не только спасал, но и дрался, защищая жизни раненых однополчан. Два осколочных ранения и одна контузия — вот, что досталось Булыгину на память о городе, удостоенном звания героя. А ещё — орден Красного Знамени и медаль “За оборону Севастополя”.

Это — во славу, на гордость. Но там, под Севастополем, выпало лейтенанту медицинской службы Булыгину пережить и крайнее отчаяние. Это было в минуту пленения, когда его, оставшегося без патронов и

раненого, ухватил за шиворот гимнастёрки фашистский солдат.

И был госпиталь для военнопленных, где русский военврач по фамилии Субботин, тоже из пленных, выходил Булыгина и ещё многих таких, как он, в палате, обозначенной как “тифозная”. И были лагеря для военнопленных. В группе с другими узниками дважды предпринимал Булыгин попытку побега. И дважды она срывалась. Но не зря заключённые носили на робе нашивки “SUL”, выражающие отношение к Советскому Союзу. Этому немецкому обозначению пленные дали свой перевод: “Сумей убежать летом”. А прочитывая аббревиатуру справа налево, получалось: “Летом убежишь — спасёшься”.

Сбежали. Втроем. Из лагеря, открытого немцами под Псковом. Воспользовались дождём и оплошностью охранников и, придерживая деревянные колодки на ногах, пересекли шоссе, залегли в поле, а потом притаились в болоте. Через несколько суток, осторожно с оглядками продвигаясь по лесу, по росному следу на траве вышли на партизанскую заставу.

— Я всегда верил в удачу — это и спасло, — признаётся Булыгин. — На войне хуже нет, когда человек веру в себя теряет. Бывало, походит день-другой “варёным”, а там, глядишь, — погиб.

Десять суток кормили-поили партизаны бывших военнопленных. А потом сказали: “Добывайте себе личное

оружие”. Получили вновь поступившие по противотанковой гранате — и сели в засаде у шоссе. Ночь выжидали, только к рассвету заметили немецкую легковушку. Карабин и парабеллум убитых фашистов стали желанной добычей.

Их было много — партизанских вылазок, переходов. Опасность, нервные и физические перегрузки стали образом жизни для Булыгина и его товарищей по отряду. На память о тех днях у Бориса Павловича — орден Отечественной войны II степени.

В партизанах Булыгин получил последнее ранение. Случилось это при подрыве моста. Тогда около тридцати километров по вражеским тылам несли его в партизанский лагерь суровые товарищи. И потом ещё восемнадцать дней ухаживали, предпринимая всё возможное для спасения от начавшейся гангрены.

Распухшую, в гангренозных пузырях ногу 25-летнему Булыгину спасли: самолётом переправили его на “большую землю”. Но воевать Борис Павлович уже не смог, вернулся в родную Волчно-Бурлу, что в Каменском районе Алтайского края. Там молодая жена ещё в 1942 году получила повестку о его гибели под Севастополем.

Сначала без костылей обходиться не мог, с их помощью добирался до деревенской школы, где до войны был директором. Несколько месяцев вёл уроки русского языка и литературы, опираясь сначала на костыли, потом — на трость. И долго ещё по партизанской привычке

моментально просыпался и стремительно вскакивал от малейшего звука и легчайшего прикосновения.

Пришёл май 1945-го. И умение созидать приобрело цену в стократ большую, чем вынесенный из войны опыт разрушения. Став школьным директором, в Камне-на-Оби Булыгин заявил о себе как умелый хозяйственник. В городе есть два когда-то отремонтированных под его руководством школьных здания. Борису Павловичу знакомы в них едва ли не каждая планка, каждый шиферный лист.

Вокруг дома они с женой разбили сад. 18 сортов яблонь плодоносили в нём на зависть каменским садоводам. Вырастили дочь, тоже ставшую учительницей. Дождались внучку. Теперь радуются правнукам.

Забыть бы войну, да не получается. Напоминает о себе то ноющими к непогоде старыми ранами, то тревожными снами. А теперь вот — пожарищами в Югославии. Балканские события кое-кто пытается представить в виде аккуратной войны. “А гибель беженцев под бомбёжкой, а смерть ребёнка от бомбового осколка?!” , возмущается Борис Павлович. “Нет, об “аккуратной войне” рассуждают те, кто не нюхал пороха.”

Булыгину не даёт покоя ещё один вопрос: почему то там, то здесь на российской земле и её ближних подступах междоусобицы начинают решаться с помощью оружия? “Государство бездумно сложило с себя обязанности по военно-патриотическому воспитанию молодёжи, которое в

своей основе имело священное отношение к памяти о защитникам Отечества. Молодых не учат гордиться своей историей. Набирает силу трава забвения”, с горечью говорит Борис Павлович.

“...Нам дороги эти позабыть нельзя”. Это — из любимой песни Булыгина. Для ветерана Великой Отечественной войны она звучит как клятва. Для рождённых после войны — предупреждением.

Валентина Зорина

На снимке: Борис Булыгин с командиром медсанбата Романовым, 1942 год, Севастополь.

Булыгин Б.П. на праздновании Дня Победы.
Барнаул, 9 мая 2005 г.